

*Алеҫа Юшаева
Алиса Штиль*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Обрывки букв

18+

Алеха Юшаева
Обрывки букв

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Юшаева А.

Обрывки букв / А. Юшаева — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Судьбы людей, словно осколки душ, ниточки огромного полотна под названием Жизнь, обрывки букв, переплетаются, разрываются, блекнут, истончаются. Удивительно, но никто из пассажиров обыкновенного метро не знал, что выпадет на их пути, никто не предполагал, какое обстоятельство заставит их понять прелесть свободы. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Глава 1

Янтарное вспенилось. Мужчина как-то хищно улыбнулся и высунул язык в предвкушении шипящего в глотке напитка. Под носом завертелся восторженно-любимый запах свободной молодости. Он бережно завинтил крышку и поставил бутылку около ноги, чтобы она не уехала вместе с поездом. Жадный взгляд выпил содержимое кружки раз двести, но медленные руки ровно нарезали колбасу, оттягивая блаженное мгновение. Короткие, сморщенные пальцы подцепляли красную кожуру и вели её хороводы, один за другим. Крошки хлеба потерянно падали на разрезанную тысячами ножей клеенку, не имея возможности вернуться к миллионам подобных себе. Жирный, копченый кружок упал на ржаной прямоугольник, заставляя слюну голодного человека обильно вырываться к зубам. Пальцы, толстые, грязные от пыли, с оторванными заусенцами, зажали бутерброд и торжественно поднесли его к губам.

– Слышь, ты чего такой смурной? – жуя, обратился мужчина к попутчику.

Тот поднял голову и с видом только что проснувшегося человека смотрел на хлебающего пиво.

– Ты – домой или еще куда?

– Домой, – хрипло отозвался попутчик.

Его руки были крепко сжаты в замке, черные армейские полуботинки прочно стояли на трясущемся по рельсам полу. Темные глаза безучастно смотрели на пухлого мужчину, передвигающего челюстями, смакующими божественный дар.

– Лёня, – гаркнул пьющий, протягивая жирную руку.

– Дима, – ответил попутчик, нехотя пожимая широкую ладонь.

– Оч-чень приятно познакомиться, – самодовольно улыбнувшись, проговорил мужчина, возвращаясь к еде.

Дмитрий отвернул голову к окну и увидел мчащиеся за плечо размазанные деревья, кусты, травы. Уже больше шести лет он не был в родных краях, где его всё ещё ждала старушка-мать и красавица-сестра. Семья, конечно же, не знала, что в скором времени он переступит порог их древнего домика, покосившегося от жизни и сильного ветра. Он никому не написал ни строчки, никому не позвонил ни на минуту. Нравилось ему появляться неожиданно, с маленькими сюрпризами в сумке, с длинными рассказами о местах, где ему приходилось побывать, о людях, что попадались на его трудном пути, об услышанных небылицах и былях. Мама будет рассеянно улыбаться и спешно ставить разогревать вчерашние пироги, которые не доели с именин тёти Любы или тётъ Кати. Её повседневное домашнее платье давно выцвело, но она так сильно любит его, что ни за какие коврижки не выбросит и не подарит ему вторую жизнь в виде половой тряпки. Это платье было куплено еще в другой стране, еще в другом веке, когда отец, сгорбленный под тяжестью фетровой кепки старик, умирал на операционном столе под тщательным бдением криворуких хирургов. А в доме всё так же тепло и уютно, всё так же висит ковер на стене, что маленький Дима по ночам изучал глазами, всё так же белая печка занимает половину дома, выдавая каждый день свежий хлеб. На потолке, наверное, до сих пор блестит хрустальная люстра, шепчущая ночью о своей старости подружке-пыли. По углам прячутся робкие паучки со своими крохотными семьями, развесившими прозрачные домики. Высокие лакированные шкафы, выстроенные в ряд, ежедневно хранят чуткий сон хозяйки дома, а когда её нет, они яро защищают всё её небогатое имущество. Пуховая кровать с тремя подушками, вышитыми сухими руками, сплетенным разноцветным покрывалом, с неуклюжей игрушкой-зайцем. Этого недорослика смастерила сестра в пятом классе, вдохновившись рукоделиями деревенской учительницы. Мать до сих пор смотрит на него каждый вечер и улыбается серому ушастому. Правда, он всегда молчит и даже не желает выпрямлять свою косую линию рта. Единственный, кто красноречиво болтает с женщиной, – это черный

прямоугольный ящик, присланный четыре года назад на одну из премий сына. Пусть она и включает его, чтобы подпеть старой артистке, ушедшей со сцены триллиарды лет назад, или поплакать над очередной прекрасной историей, мама часто смотрит в пыльное жерло и думает о ребенке, так далеко забредшем от неё.

Поезд стучал и дребезжал. Пейзаж темнел, но почти не изменялся. Хорошо наконец оказаться в родных полях, однотипных, девственно зеленых, вечно тянущихся из дали в даль. Бутылка пусто отзвенела. Мужчина, пыхтя, как чайник, поднялся и поплелся из купе. Дмитрий выдохнул. Плечи в темно-синей футболке опустились.

Соседняя дорога рельс, вышедшая из-за густого леса и сближающаяся с их путем, рябила и сливалась в сплошную полосатую линию. С края падала серая щебенка, наваленная ленивыми работниками железной дороги. Всё теперь в жизни происходило лениво, и в этом не были виноваты бедняги, перекрывающие пути бело-красными шлагбаумами. Люди стали ленивы, их натура обленилась. И не за чем больше тратить недели, чтобы прочитать книгу, ведь есть чудесное изобретение Нипкова, которое запечатлеет двухчасовое подобие книжного романа. Не за чем выкидывать деньги на пискливые гитары и громадные рояли, потому что у каждого в квартире во главу угла поставлена белая компьютерная машина, что не только проиграет тебе музыку, но и самостоятельно создаст новую. И не за чем писать от руки длинные, радостные, вдохновенные письма, долго следующие по почтовым путям, иногда теряющиеся где-то и всплывающие в мелких речушках, нужны лишь два больших пальца и сенсорный экран, нагло подсказывающий следующее слово. И нет времени остаться наедине с собой: тебя будто бы постоянно окружают друзья, любимые, дорогие люди, которым спешишь отправить сообщение с последними новостями, что они пробегают глазами. Лень двинула прогресс вперед, и эта же лень уничтожит всё прекрасное. Правда, есть и те, кто, кажется, абсолютно не подвержен этой «ленивой болезни», но они притворяются, искусно играют на публику. Приходя домой, где никто не ждет или медленно мяукает кошка, они валяются на кожаные диваны, купленные на глазах уже сидящих одноклассников с круглыми животами и дряблыми руками, и пусто смотрят в мигающий экран. Никудышными стали люди. Единственное время, когда эта свинская порода человека не поглощает и даже не являет ни единого намека, – время смерти.

Кошунственно было бы представлять Смерть в виде костлявой старухи с косой, но почему-то ленивые люди думают именно так. Наверное, они ни разу не сталкивались с ней, а если такое внезапно выпадало на их пути, то они пытались быстрее выбросить черные воспоминания из головы. Жаль, что никто никогда не скажет, как на самом деле выглядит эта Смерть. Тогда бы и исчезло всякое понятие лени. А мужчина с жесткой бородой и гранатометом наперевес, или маленькая девочка с косичками и тонкими ножками с выпирающими коленками, или высокая рыжеволосая девушка, густо подводящая глаза, или сухой старик в серой вытянутой майке и синих потертых трико не исчезали бы из памяти людей. Потому что именно они и есть Смерть. Да каждый из нас...

Дверь с грохотом отодвинулась. Крепко прижимая половину черного хлеба к толстому боку, в купе вполз Лёня. Он бережно поставил прозрачный бутылёк, рядом уложил кусок и хитро подмигнул попутчику. Плюхнулся напротив, уместя большую заднюю часть в уже продавленное место, и, достав откуда-то второй стакан, спросил:

– Выпьешь за компанию, а, Дим?

Он равнодушно поднял глаза на мужчину и отрицательно мотнул головой. Тот сжал лоснящиеся губы и опустил стекло на столик. Жадные руки загребли водку и начали раздирать этикетку, словно тушу животного на десятый день неудачной охоты. Чистый, булькающий звук раздался в маленькой комнатенке, мчащейся по железному дереву.

– Мне нельзя, – выдавил из себя Дмитрий, предупреждая мужчину.

– Чего это? – хмыкнул он, уверенный, что чудотворный напиток не может вредить здоровью. – Больной, что ле?

– Да, – неправдивые слова вышли из-под треснувших губ.

– Ну и ладно, – блестя глазами, Лёня опрокинул стакан и сладко причмокнул. – Не расстраивайся. Не ты первый, не ты последний.

Дмитрий обратился к окну будто в поисках спасения. Однообразный стук колес постепенно выравнивался с ритмом сердца, спешащего увидеть родных и знакомых. Ему не хотелось, чтобы все они тоже погрязли в болоте лени, не желалось узнать, что семья перестала держать скот, выращивать огурцы или морковь, что больше некому ухаживать за розами и гладиолусами в палисаднике. Обязательно нужна горящая печка, выдающая через каждую минуту пирожки с выращенной своими руками картошкой, нужен новосвязанный плед, накинутый на кресло, нужна книжка с потрепанными углами и закладка, неловко брошенная в середину, нужны ведра, готовые для утренней дойки. Сильными руками, отвыкшими от такой работы, он возьмется за деревянные ручки и сбегает к колодцу. Мокрый, счастливый, выплеснет воду в кадущку и огромный бочонок в огороде. Опрокинет холодную на лицо и плечи, чтобы весь день метаться по двору, дружески хлопая корову Жорку по бокам, раскидывая курам корм, заготавливая новые дрова, собирая только что созревший укроп, пропальвая грядки, смазывая дверные петли. Постоянно и всегда быть в загнанном состоянии, будто, остановившись, он непременно должен погибнуть. И пусть ведра нарежут руки, и пусть коза ущипнет за колено, и пусть вкус у свежесрезанного укропа горчит, и пусть солнце сдерет с его спины несколько тонких слоев кожи. Ему в радость наконец вернуться в родовой дом и почувствовать себя частью бесконечной истории.

За заляпанным стеклом показывались редкие домики, со сломанными крышами, с разрушенными заборами, с ушедшими под воду стенами, с вынесенными шкапами. Изредка среди них маячили новенькие дома, из труб которых тянулись серые дымы, но их почти не было видно за скорбью сгоревших и сгнивших изб. Потом всё скрывалось за зеленью елей и тонких сосен. Они шли тесными толпами, но это не спасало их от беспощадного истребления. Маленькие пни, сиротливо торчащие из черной земли, не могли вспомнить времена, когда они были высокими деревьями. Сваленные в кучу мешающиеся ветки догорали под языками огней, оставленных небрежным человеком. Хоть бы кто-нибудь потянул красный рычаг, чтобы залить умирающие деревья. Но никто не двигался со своих мест, и на сцену выбежали трехэтажные дома.

Раздался гудок, и поезд начал тормозить. За окном показались озабоченные лица людей, отсчитывающих вагоны. Остановившись, махина грузно пыхнула и открыла двери. Лёня, переваливаясь как медведь, выкочевал из купе. Дмитрий взглянул на циферблат часов, подаренных еще в армии, и поднял глаза к потолку. Дерево молча светилось лучами летнего солнца, отпечатывая на себе тени окружающего мира. Он потянулся к черной сумке, зажужжал замком и, пошарив немного, вытащил маленькую фляжку. Металл дзвенькнул, и мужчина припал к горлышку. Свежая вода, набранная на роднике его последнего местопребывания, ворвалась к пересушенному языку и стремительно ухнула, холодя желудок. Черная сумка вернулась к своему отрешенному состоянию.

По коридору зашагали ноги и понеслись беспокойные голоса. Кто-то волочил сумку, шуршащую своими черно-красными полосками, кто-то входил в комнатки и здоровался с новыми соседями, кто-то снимал с себя куртку, боясь, что в пути его продует. Проводница, женщина с тройным подбородком и сильным голосом, призывала не собирающихся в путь покинуть вагон и громко щелкала ручкой.

В купе показалось любопытное лицо девушки. Она отодвинула створку и, поводя плечом, протиснулась внутрь. Голова опустилась в знак приветствия. Её синие глаза с интересом принялись разглядывать Дмитрия, крепкого мужчину, возраст которого невозможно было определить из-за вьющейся бороды с блестящей проседью. Инстинктивно она опустила длинные ресницы и, подсобравшись, вытянулась, чтобы выгодно выглядеть сбоку. Девушка благодарно

приняла только что принесенное белье и, краснея, начала застилать полку над Лёней. Она молчала и лишь изредка поджимала губу, будто в знак какого-то сожаления или сочувствия. Закончив свои постельные дела, она села на край койки и осторожно, с едва распускающейся женской силой протянула ладонь:

– Саша.

– Дима, – кивнув и легко пожав руку, отозвался он.

Она снова поджала губу и, оглядываясь вокруг, спросила:

– Давно едете?

– Со вчерашнего вечера.

– Понятно, – проговорила она губами, складывая ладони вместе и зажимая их коленями. – А далеко?

– Уже завтра схожу.

– Вот как. Я тоже, – неуверенно улыбнулась она.

Лёня, лялялякая под нос, внёс еще два стакана. Его глаза округлились, когда он едва не споткнулся о новоприбывшую ногу. Поздоровался, обтерев руку о потную футболку, как-то неловко пошутил, обнажая забор разнометальных зубов, и сел, незаметно поглядывая на молодую женщину. Их разговор завязался непринужденно и скоро; она удивленно смотрела на толстое лицо, когда оно говорило о чем-то ей неизвестном, а он, осторожничая, разглядывал достоинства светлого ангела, посетившего их мужскую обитель, и, отставив вонючее пойло, пытался производить отличное впечатление. Не в силах наблюдать за происходящим и не желая присоединиться к милому обсуждению, Дмитрий подбил комкообразную подушку и, сбросив ботинки, лег на жесткую постель.

Тело качало, словно на волнах. Давние и далекие проявлялись картины юношества. Хрупкая лодка, одинокая на маленьком деревенском пруду, держащая из последних сил двух мужчин, внимательно следящих за поплавами. У южного берега вода пестрела зелеными пятнами и напоминала болото. То болото, что они проходили отрядом, опираясь на высокие палки и закусывая губу, чтобы заглушить легкий вдох. То болото, что блестело в глазах прапорщика, хлопающего по плечу и театрально-трагично отправляющего в горячую точку. И вот их лодочка переворачивается вместе со снастями и уловом. Мокрые, осунувшиеся, они барахтаются. Отец, в черной кепке, с тинной на шее, тащит за шиворот испуганного ребенка. Через несколько лет до боли сжимающий челюсти ребенок будет тащить двоих раненых. Крики, всплески воды и песка, вопли о спасении, пятна под глазами и лепечущие благодарности синие губы.

По светлому небу тянутся длинные провода. Они приближаются, крепясь к столбам, и отбегают, пропадая за рамой окна. Миллионы и миллиарды напечатанных бумажек ушло на то, чтобы бескрайние просторы испещрялись чугунными вышками и ползущими от них щупальцами. Чтобы люди, которые никогда не встретятся могли излить душу друг другу. Чтобы на одном конце планеты знали, что ест на завтрак королева страны с населением в пять человек. Чтобы каждый был в курсе, почему великий поп борется с Дьяволом, поддаваясь его соблазнам. Но не за тем, чтобы помогать больным, нуждающимся, слабым. Не за тем, чтобы читать прекрасные книги о чудесных людях, переворачивающих науку, искусство, целые страны. Не для того, чтобы становиться лучше. Куда ж несется эта тачка никудышных людей?

Дмитрий вздохнул, обратив на себя мимолетное внимание. Внутри сдавливало. Вечное небо с его бессменными белыми приспешниками никогда не пожалеет мелких тварей, губящих самих себя. Ничто не спасет их: ни страх старухи с косой, ни пара сенсорных кнопок, ни полки, забитые рядами плоских портретов. Казалось раньше: смотрит на тебя сверху кто-то с добрыми, ласковыми глазами, с улыбкой, мягкими руками, как у матери, и этот кто-то всегда-всегда, что говорится, благоволит тебе. Но как поднимешь туда взор: молчаливые чистые перья плывут по нежной лазури. И нет этого «кого-то». Сжался он, размножился, разукрасился,

перекочевал на полку к куче похожих на него. Теперь смотрит оттуда, купленный за сто рублей в очередном храме, закрытый пылью, перегороженный фотографией людей с красными лицами. И нет больше веры, что один возглас среди оглушающих выстрелов спасет душу не только твою, гаденькую, но и их, юношеские, невинные. И когда по грязному лбу сбегает черное, перед глазами не маячит беззубая женщина, манящая в страну вечного сна. Сидишь, глядя на последний трепет ресниц едва покрывшегося первой щетиной лица.

Глаза устало захлопнулись. В темноте появился слабый образ старшей сестры. Уставшее сердце измучено умывалось засохшей кровью. Высокая, широкая, как русская печка, она виделась всюду заведующей собственным хозяйством, что в другой деревне за перевалом. Её муж, Михаил Петрович, тракторист с многолетним стажем, едва увидев Дашку, понял, что лучшей жены ему не найти на всю область. Она, воспитанная в семье простых рабочих, ничуть не избегала тяжелого труда и даже иногда рубила дрова, пока в доме отсутствовали мужчины. Вот в один из таких случаев её и встретил Михаил Петрович. Румяная, собранная, с блестящим лбом и шеей, с голыми локтями, она колет бревна за маленьким забором, защищающим лишь от любопытных детей и комнатных собак. Изредка переводит дыхание, глядя горящими глазами на ровно разрубленные части. Снова приступает за работу, помня, что к вечеру все ждут её фирменные пироги с капустой. Ароматные, только из печки, с замысловатым рисунком из теста, они были едва ли не достоянием их семьи. Вкус Дашкиной стряпни влажной волной завертелся на языке младшего брата. Последний раз, когда ему посчастливилось отведать пирогов и каравайчиков, приходился на день проводов Дмитрия в армию. Сестра, наконец снявшая с себя обязанность няньки, уехала в соседнюю деревню заводить своё хозяйство.

Дашка, всегда серьезная и сосредоточенная, была старше Дмитрия на два года, что вселили в неё чувство чрезмерной заботы о брате. Несмотря на то что они виделись, лишь когда этот обросший бородой служака в очередной редкий раз приезжал домой, она почти каждую неделю звонила ему и спрашивала обо всем на свете. Казалось, её больше волнует не то, чем наполнена жизнь Дмитрия, а то, как звучит его голос. Вопросы сыпались на голову, если её чуткое ухо и сердце улавливали лживую нотку. Он рассказывал всё, что тревожило его, что мешало наслаждаться жизнью, что будило посреди ночи. Выслушав брата, она поддерживала или укоряла за что-либо, не скупясь на слова. Думалось, что именно Дашка – мать его, а не низенькая старушка, шаркающая в пустом доме по ночам.

Четыре года назад сестра родила девочку, и Дмитрий с радостью и ужасом обнаружил себя дядей. В самый разгар лета его позвали к телефону, и руки бывшего вояки затряслись, как скрюченные листья на хрупкой ножке. Мягким, нервно-возбужденным голосом Михаил Петрович сообщил приятную новость, и счастливые охи Дашки её подтвердили. Маленький человечек, новая жизнь, всеобщая любовь и отрада появилась на свет у той, что всегда была и есть ближайшей к Дмитрию. И он, огромный, жесткий, заставляющий юнцов дрожать от одного взгляда, заплакал. Он готов был заплакать и сейчас, когда в памяти всплывали фотографии с пухлыми щеками, веселыми серыми глазками, густыми волнистыми волосами, крошечными ручками, синими туфельками девочки, когда вдали раздавался смех попутчицы.

Саша и Лёня, открывая друг другу и без того широкие души, чокались и отправляли внутрь медленно действующее горячее. Их лица, освещенные блеклыми лампочками поезда, излучали обреченность и безнадегу. Тушь пятнами леопарда легла под глазами, соломенные волосы, сброшенные на одно плечо, превратились в модный вариант убора пугала, а напротив лоснились две выдающие звуки сельди и обхватывали стакан копченые колбаски. Они почти не обращали внимания на заснувшего Дмитрия, лишь мужчина пару раз посмотрел на него и девушка вопросительно кивнула в его сторону, на что получила неясное пожатие плечами. Собеседники откровенно шептались, вверяя на хранение нелепейшие и сокровеннейшие тайны, что не расскажешь закадычному другу или отцу, с которым каждую субботу ходишь

на речку рыбачить. Приглушенные голоса сближали макушки, погруженные в собственные печали.

Дмитрий разлепил глаза через несколько станций, давно ушедших в ночь. Попутчики давно спали, завернутые в тонкие одеяла на разных полках. На столике, небрежно прибранные, лежали столовые инструменты и завернутые в мешочки куски хлеба. Прodeвая ноги в ботинки, он поднялся. За окном мелькали всё те же степи, черно-белые деревья, что рядами и кучами бежали утром, останки кирпичных стен, крохотные деревенские церквушки, скособоченные высоковольтные вышки и вековые сосны. Тихо вышел из купе, прикрыв дверь. Большие руки легли на холодные перила, протягивающиеся через весь поезд. В коридоре слабо горели три лампочки, проявляя лишь красные полосы ковров под ногами. Поезд, монотонно стуча колесами, пронизывал бескрайнюю страну.

Окно сонно являло лицо мужчины, у которого всё уже было и всё еще будет. Над бровью белел шрам, временами кричащий о тех днях, временами вовсе пропадающий. Сухие губы, разучившиеся улыбаться, слегка дергались, пытаясь проговорить что-то важное, что уже давно просится на слух. В темноте ночи растворялись русые волосы.

Слышались в соседних купе громкие и прерывистые храпы, где-то вялым языком проносили тост, где-то ласковым голосом пытались уложить ребенка спать, вдалеке раздавался сдавленный смех, и ветер шуршал прозрачными шторами. Ночной поезд, казалось, едва ли прекращал жизнь. Люди копошились, впадали в задумчивость, отправляли раз за разом куски братьев их меньших в себя, наблюдали за убегающей дорогой, лишь бы скоротать время, уничтожить скуку. А потом они выходили из поезда и делали то же самое в городах, деревнях, столицах, мегаполисах, селах.

Слева раздался распевный голос. За подсвеченной бумагой у стекла тоже не спали. Мужчина, подобравшись ближе, притаился, словно подстерегая добычу.

– ... Не хотелось уезжать, – говорил только-только повзрослевший голос. – Она смотрела мышкой, держала эти чертовы цветы. Представь: весь город обежал, лишь бы найти этот веник! А она только молчала и редела... – призрачные капли упали в высохший стакан. – Вот как, как мне теперь ехать домой и знать, что никогда больше не увижу её?

– Да ты чего? Так уж и никогда? – спрашивал удивленный, едва поворачивающийся язык.

– Да! Вот как нутром чую: не увижу её никогда! Мы ведь, что, познакомились-то случайно, ну, я рассказывал же. Увиделись, три дня держались за руки, всего-то раз мы поцеловались! и больше никогда, понимаешь? ни-ког-да! А тут, – он, видимо, ударил себя в грудь, – рвет, как бы на мину наступил...

– Выпей... небось полегчает...

– Да к черту твою водяру! – но пустое стекло всё равно стукнуло.

Закашляли. В минутной тишине слышались всхлипы и глухое постукивание. Темнота полей, желтые и оранжевые огоньки у гор продолжали отвечать мужчине щемящим чувством ностальгии. Мимо проплывали одинокие деревянные домики, хозяева которых давно перестали бывать в городе, за ними рядами шли блочные и кирпичные дома, где ненадолго вспыхивали окна, где показывались больные лица и глаза, окутанные фиолетовыми мешками. Редко мелькали длинные стеклянные дома, называемые современными, еще реже выглядывали крыши школ и детских садов. Очередной населенный пункт пропадал из виду, и снова возвращались леса и поля с их покинутым видом.

– Это, – отозвался пьяный голос, – если судьбина твоя легла на её, значит, счастье однажды тощно было в жизни.

Никто не ответил. Робкие, легкие звуки донеслись из-под двери. Привыкая к нетрезвой руке, струны тренькали, внезапно зазвучав сильно и уверенно. В соседнем купе зашевелились. Край уха Дмитрия хищно дернулся, схватывая мелодию. Знакомые, пришедшие чуть ли не из молодости ноты обхватили сердце мужчины. Приятные колкие волны пробежали по загорелой

коже, гонимые низким голосом. Там, за бумажной перегородкой, за чертой жизни и смерти, у крохотного костра в пустыне сидели парни и, мучительно скучающие по отчему дому, смотрели на пляску огня. Разрывающие комок скорби в груди строчки песни о горящем поезде сдвигали густые брови, сладостно зажимали глаза, мудро качали обритые головы. Черные грубые пальцы держали струны, колючий подбородок опускался, призывая возвратиться домой. Чужой этому месту удар колес выкатил из сухих темных глаз слезы. Он и не заметил, как голова, ведомая горячими звуками, закачалась. Сердце, болезненное, ещё не оправившееся от войны, взывало к юным ребятам, что расстались с ним и жизнью под бездушными пулями. Как тот, жалующийся о расставании навсегда, они смотрели друг на друга задорными, блестящими глазами и рассказывали байки только что созревшими голосами. Как тот, чей стакан опустел с горя, ребята в первый и последний раз поцеловали девчонку на перроне, держали игрушечную ручку племянницы, так преданно глядевшей, обнимали упавшие плечи матери, кричали в окно обнадеживающие слова и махали, махали. Улыбающиеся, они отвечали одновременным обращением к мужчине по званию. Парнишки, раскидывающие карты в минуту тишины, бредущие едва проклюнувшуюся щетину у сломанного зеркала, играющие на гитаре, любили его и относились с великим уважением. Затряслась губа. Зеленые куртки, смятые, порванные, оставленные, лежали в окопах рядом с их владельцами. Дрогнув, голос повторял какие-то непонятные обрывки букв о дорогой земле. Желтая подружка в едва возмужавших руках покорно подыгрывала, не задумываясь ни о чьей судьбе. Во рту просило водки.

Поезд помрачнел и вместе с тем зарылся в тугую тишину. Серо-синий дым покрывалом падал на металлическую крышу. Вытягиваясь, вжимаясь, двигатели работали, не жалея мощности. Из-под колес вылетали огненные искры, они сыпались на землю и тухли навсегда.

Стянувшиеся дорожки на щеках смахнула шершавая ладонь. Блестящие глаза бессмысленно наблюдали за пролетающими стволами, блестящими волнами, кронами, разваленными теплицами, вершинами гор. Слипшиеся, треснувшие, слегка солоноватые губы с горечью сжались. Тяжелым армейским шагом Дмитрий возвратился в купе.

Утро, суматошный парнишка с толстыми стеклами на носу, пришло чрезвычайно скоро. Только что упавшая на подушку голова мужчины поднялась спустя пять минут. Искрящееся солнце щедро заливало комнатухи светом. На верхней полке повернулись. Дмитрий прибрал белье, укоренный взглядом попугайчика. Он сел на свое место и продолжил отсчитывать минуты до прибытия на нужную станцию. Крякнув, выпуская тяжелый запах ночной идиллии, Лёня поднялся и закрыл глаза широкой ладонью. Должно быть, гудела голова. Раскрывшись, с полки повисли длинные бледные ноги. Саша, сонно-виновато растягивая губы, убрала спутанные волосы за ухо и, схватив маленькую сумочку, выскользнула за дверь. Дмитрий, сомкнув пальцы в замке, вздохнул тихо, легко.

– Надеюсь, мы вчера те не мешали? – осведомился попугайчик, выплескивая в стакан жалкие остатки.

– Нет.

– Знаешь, сдаётся мне, что нормальный ты мужик, – бесцветная жидкость пропала в бездонном жерле, – но вот что-то у тебя случилось. Да и черт ты расскажешь, партизан хренов, – грустно хмыкнул мужик, победоносно взглянув на него.

Дмитрий небрежно двинул плечом.

В жизни случается многое, но не обо всем возможно рассказать, поведать, нашептать ночью. Хрупкие буквы застревают где-то в горле и свербяще рыдают. Мужчина склонил голову, пусто рассматривая черные сапоги. Толстая подошва ступала и по горячим пескам, и по грязным болотам, и по скользким камням. Лишь маленькие царапины на носке не скрывали трудности долгого пути. До этой пары на его ногах восседали темно-коричневые ботинки, затерявшиеся где-то на первом пути домой. Пожалев старых друзей коротким, но емким словом, Дмитрий забыл о них, и ему выдали новые. Вот уже шесть лет он называет их новыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.